
ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗОВАННЫХ ИНТЕРЕСОВ БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ И ЕГИПТА

Р.Т. Биджамов

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Данная статья посвящена сравнительному анализу экономических групп интересов в России и Египте. В исследовании современная политическая активность экономических игроков анализируется с точки зрения исторической ретроспективы. Автор приходит к важным выводам, которые касаются возможности использования наработок в сфере взаимоотношений власти и бизнеса, намечаются возможные способы лоббирования российских интересов в Египте. Также автором выявляются основные тренды развития групп интересов в России и Египте.

Ключевые слова: группы интересов, лоббизм, корпоратизм.

В последние годы как в отечественной, так и зарубежной политической науке наблюдается заметный всплеск исследовательского интереса к проблематике политического представительства и деятельности организованных интересов. Предметом многочисленных исследований становятся лоббистская деятельность и группы интересов, рассматриваемые в качестве субъектов политических отношений. Причиной этого является растущее влияние организованных интересов на процессы, идущие в политической системе общества, и прежде всего на процесс принятия политических решений.

Сравнительное исследование процесса принятия политических решений позволяет глубже раскрыть феноменологию групп интересов как общественно-политических акторов, а также оценить перспективы их дальнейшего развития. Помимо этого анализ практик политического представительства интересов выглядит актуальным еще и в силу того, что взаимодействие групп интересов и государства в России и Египте строится на основе корпоративской модели, предусматривающей установление тесных партнерских взаимоотношений. Однако если в России это партнерство в настоящее время дрейфует к социетальному корпоратизму, то египетский корпоратизм характеризуется доминированием авторитарных тенденций.

Политические системы России и Египта функционируют в условиях слабо-развитых институтов гражданского общества, что накладывает отпечаток на систему представительства экономических групп интересов. Известно, что в Египте заметная активизация деятельности экономических групп приходится на 70-е годы XX века, когда у власти находился президент Анвар Садат (1970—1981), объявивший курс на либерализацию («инфитах» — политика «открытых дверей») всех сфер общественной жизнедеятельности и, в первую очередь, экономической [3. Р. 8—18]. Следующий президент Египта ввел концептуальные пояснения в поли-

тике «инфитах» — Мубарак заявил: двери открываются настолько, насколько это выгодно национальному капиталу. Он при этом решительно начал свертывать государственный сектор, ввел льготное законодательство для тех египтян, кто решил вкладывать капитал в экономику страны, повел непримиримую борьбу с коррупцией, установил конвертируемость египетского фунта, в общем — попытался соединить социалистические и капиталистические идеи в некую специфическую модель. Во многом это стимулировало экономическую активность в стране, что, в свою очередь, привело к увеличению числа организованных интересов в сфере экономики. Несмотря на это в условиях модели государственного корпоратизма (или «ложного плюрализма») лишь незначительное число из них (интересов) были допущены в систему политического представительства, имея возможность реально влиять на принятие политических решений.

В России с 1993 по 1999 гг. шел процесс формирования экономических групп интересов «нового типа», что способствовало ускорению процессов самоорганизации в бизнес-сообществе. Для этого периода было характерно активное участие экономических групп интересов в политических процессах, преобладание так называемого «отраслевого лоббизма», неформальных аспектов политического представительства интересов («олигархический капитализм»), складывания системы патрон-клиентских отношений («семья»). Данная форма отношений обладала чертами плюралистической модели лишь в том смысле, что все влиятельные группы интересов находились в конкурентной среде и существовали на основе негласного договора нескольких влиятельных групп. С 2000 по 2008 гг. начала выстраиваться система партнерских отношений с государством на основе задекларированной «равноудаленности», которая стала лишь только идеологическим прикрытием становления государственного капитализма. В реальности стали обозначаться новые перекосы, когда лояльность государству и усилившийся контроль со стороны правящей группы стали главными чертами выстраивающихся отношений. Далее само государство приступило к активному переделу сфер влияния, распределяя собственность в интересах государственных корпораций.

При рассмотрении египетских групп интересов, действующих на современном этапе, мы уделяем особое внимание представительным организациям бизнеса, активно занимающимся артикуляцией интересов на различных уровнях власти [9. Р. 48—63]. В частности, Ассоциация египетских бизнесменов (Egyptian Businessmen's Association), изначально созданная в целях привлечения в страну иностранных инвестиций, в настоящее время выступает в роли провайдера услуг бизнес-сообщества (в ее состав входят 20 совместных с разными странами советов сотрудничества), позиционируя себя как «лоббистская организация».

Определенным представительским ресурсом среди организаций бизнеса в настоящее время обладает основанная в ноябре 1998 г. неправительственная организация «Фонд будущих поколений» («Future Generations Foundation»), главой которой является сын нынешнего президента Египта Гамаль Мубарак. В состав ее членов входят видные представители бизнес-сообщества, главы крупнейших египетских и транснациональных корпораций, таких как Americana Group-Food & Touristic Projects, SAE, HSBC Bank, Ezz Group IT Investments. По моему мнению,

тот факт, что «Фонд будущих поколений» в настоящее время играет значительную роль в системе политического представительства интересов, наглядным образом демонстрирует то, что взаимоотношения государства и групп интересов в Египте строятся на основе модели государственного корпоратизма с определенными элементами клиентелизма.

Стоит отметить, что в России и Египте официальные площадки для переговоров не играют ключевой роли во взаимодействии с государством. Бизнес не ведет самостоятельной политической игры, а жестко вписан в существующую систему властных отношений. Учитывая особенность политического режима в Египте, деятельность групп интересов сосредоточена главным образом вокруг правящей Национально-демократической партии [10. Р. 89—94], так же точно как и в России с 2004 г. все существующие группы интересов стремятся интегрироваться в «Единую Россию», а вся политическая активность бизнеса модерируется через Администрацию Президента РФ.

После характеристики общих параметров исследуемой проблемы перейдем к более детальному анализу взаимоотношений власти и бизнеса. Шесть лет назад, на первом ежегодном конгрессе НДП в 2003 г., был выдвинут лозунг: «Новое мышление». Сын Президента Гамаль Мубарак позиционировал тогда себя как реформатор, возглавивший новое поколение египетских политиков. В политический обиход был введен термин «ташбиб» («омоложение»). Однако этот конгресс стал также точкой отсчета борьбы между старой партийной гвардией во главе с генеральным секретарем НДП Савфатом Шарифом и новой командой Г. Мубарака, которая постоянно усиливалась за счет представителей бизнеса. Некоторые политологи склонны описывать конфликт «консерваторов» и «реформаторов» как главный движущий фактор политики Египта. На наш взгляд, это не столько поколенческий конфликт, сколько самый настоящий конфликт интересов, имеющий кулуарный характер [8. Р. 164—170].

Следует отметить, что сын нынешнего президента Египта Гамаль Мубарак вступил в политическую жизнь страны в 2000 году, став членом генерального секретариата партии и тем самым непосредственным участником процесса принятия политических решений. Позиции его еще более усилились в 2002 г., когда на съезде НДП он занял третий по важности пост в партии — секретаря комитета по политике. За эти годы он сформировал команду реформаторов из бизнесменов и аналитиков, тесно связанных с Вашингтоном. Из этой команды реформаторов вышел премьер Ахмад Назиф. В июле 2004 г., когда Гамаль Мубарак выдвинул Ахмада Назифа на пост премьер-министра, одновременно с ним министерские портфели получила целая группа преданных Гамалю Мубараку людей, а семь министров старого кабинета потеряли свои посты. Многие политические обозреватели заговорили тогда о коммерциализации власти в Египте, вводя тем самым неологизм «базнаса» в арабский литературный язык, подразумевая под этим явлением олигархизацию правительств.

Примерно похожая ситуация наблюдается и в России, где организованные интересы в сфере экономики находились и находятся на службе у власти. Осо-

бенно это наглядно проявляется в условиях современной политической системы, в которой экономические группы интересов, связанные с такими государственными корпорациями, как Газпром, играют особую роль и представлены кругом близких бывшему Президенту В. Путину людей. В целом стоит сказать, что, несмотря на то, что формирование организованных групп интересов проходило различными путями и на разных этапах политического развития, наличие модели авторитарного капитализма с элементами клиентелизма во многом роднит системы политического представительства интересов.

При этом в России и Египте процессы сращивания политической элиты с частным бизнесом серьезным образом оказали влияние на характер лоббистской деятельности. В частности, в Египте 70-х годов министром жилищного строительства и реконструкции был назначен А. Осман, который возглавлял одновременно крупнейшую строительную компанию «Арабские подрядчики» (50 тыс. работающих), на долю которой приходилась львиная доля государственных заказов (особенно при поставках оборудования для сооружения Асуанской плотины) [11. Р. 108]. Его сын женился на одной из дочерей А. Садата, что позволило значительно повысить представительный ресурс компании, возглавляемой его отцом. Другим примером является С. Марей, также являвшийся представителем власти и ставший в период правления Садата сначала министром сельского хозяйства, а позднее председателем парламента — Народного собрания — и одной из влиятельнейших теневого режима. Его сын был женат на другой дочери египетского президента.

Подобная «матримониальная политика» способствовала складыванию системы патрон-клиентских отношений, весьма напоминающей «семью» при президенте Борисе Ельцине. Во многом они строились на одних и тех же принципах: доступ к лицу, принимающему политическое решение, получение определенной собственности в обмен на лояльность, оказание различного рода услуг, направленных прежде всего на консервацию существующего политического слоя. Однако, в отличие от российского варианта, египетский оказался крайне жизнеспособным. Убийство в 1981 г. Садата и приход к власти Хосни Мубарака поколебали позиции ряда экономических групп интересов, находившихся на тот момент в тесном контакте с властью, но вовсе не смогли изменить характер взаимоотношений между властью и бизнесом.

В результате политический класс частично видоизменился в плане ротации кадрового состава, но в структурном и функциональном плане остался практически неизменным. В частности, это наглядно проявляется на примере деятельности тех лоббистских групп, которые традиционно наиболее активно взаимодействуют с органами власти Египта [1. С. 108]. В частности, интересы газовой промышленности представлены компанией EMG, контрольный пакет акций которой принадлежит известному и влиятельному бизнесмену Хусейну Саламу, а 10% акций — правительству Египта. Как полагают некоторые наблюдатели, увеличение цены поставок природного газа в Израиль по газопроводу Эль-Ариш-Ашкелон правительством Египта, несмотря на подписанный в 2005 г. контракт, предусматри-

вающий поставку в течение 15 лет 7 миллиардов кубометров газа по цене в 2,75 долл. за 1 миллион BTU (british thermal units), объясняется не только резким ростом цен на углеводороды на мировых рынках, но и представительным ресурсом ЕМГ в египетских эшелонах власти. Ранее аналогичным образом при активной поддержке египетского правительства газовой компании удалось изменить цены ранее подписанных контрактов на поставку газа в Испанию и Францию.

В случае с другой системообразующей отраслью египетской экономики — туристическим бизнесом — активное стремление египетских властей продвинуть интересы национального авиаперевозчика Egypt Air также, как считают эксперты, объясняется лоббированием со стороны бизнесменов, владеющих миноритарными пакетами акций компании [10. Р. 49—114]. В этой связи совершенно обоснованными выглядят данные Financial Times от 11 мая 2008 г., где отмечается, что половина египетских чиновников берет взятки либо имеет дополнительные незаконные источники дохода. В частности, при осуществлении амбициозного проекта «Новая долина», общая стоимость которого составляет 30 млрд долл., объем различного рода незаконных подношений, а также откатов со стороны иностранных компаний только в период с 1997 по 1999 г. составил более 300 млн долл.

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время политической системе Египта присущ так называемый неконвенциональный характер лоббирования интересов, что во многом вытекает из характера системы политического представительства интересов. Вместе с тем «дикий» лоббизм отнюдь не исключает и применение других форм политического представительства интересов, направленных, в частности, на создание институциональных основ взаимодействия государства и экономических групп интересов.

Помимо практики лоббирования, которая характеризуется латентным характером, в настоящее время экономические группы как в России, так и Египте пытаются заниматься представительством своих интересов на основе формализованных механизмов, что способствовало бы интенсификации контактов между властными и бизнес-структурами и создавало бы предпосылки для институционализации взаимоотношений между ними. Все эти институциональные формы в той или иной мере используются в практике политического представительства интересов организованными группами в сфере экономики как в России, так и в Египте. При этом приоритет отдается в основном более функциональным, в частности, формированию площадок для ведения диалога между бизнесом и властью на основе совещательных структур, развитию контактов между властью и бизнесом на основе кадрового элитообмена и социального партнерства.

Рассматривая практику создания совещательных структур при различных органах власти, следует отметить в данной связи египетский опыт, который имеет существенную специфику, что обусловлено главным образом политической традицией и характером системы политического представительства интересов. Современная политическая система Египта объективно исторически сложилась как «лидероцентристская» (что характерно для всех арабских государств без исключения). Ее стержнем и фундаментом выступает глава государства — президент.

Остальные институты и органы власти играют подчиненную, заведомо второстепенную роль.

Решения по важнейшим вопросам по-прежнему остаются прерогативой лично президента, и к их выработке допущен узкий круг лиц. Так, в сфере экономической политики в их число в разное время входили политический советник президента У. эль-Баз, И. Абдель-Магид, А. Муса, Б. Бутрос-Гали, премьер-министры Ф. Мохи эд-Дин и К. Али. В то же время в противоположность своим предшественникам Гамаль Абдель Насеру и Анвару Садату Хосни Мубарак не стремится замкнуть на себе принятие всех относительно значимых решений, ограничиваясь, как правило, вмешательством в вопросы стратегического характера, и в большей степени, чем его предшественники, доверяя профессионалам [5. Р. 468—470].

Это касается в том числе и вопросов экономической политики, где в последние годы заметно усилилась тенденция к институционализации отношений власти и экономических групп интересов путем создания различного рода консультативно-совещательных структур. В частности, следует отметить созданный в 2002 г. Совет по инвестициям и экономическим зонам при Президенте АРЕ, а также действующий начиная с 2001 г. консультативный совет по вопросам приватизации.

Как и в Египте, в России «комитетская система» имеет традиционный вид. В настоящее время в России действует порядка 30—45 консультативных и совещательных структур, созданных и действующих при различных органах государственной власти и выполняющих функции площадок для согласования интересов, образуя так называемую «комитетскую систему». При этом большая часть из них выполняет чисто номинальные функции, действуя на протяжении относительно короткого периода времени. Лишь небольшое число совещательных структур являются действительно функционирующими, играя заметную роль в диалоге власти и бизнеса.

В России и Египте огромное сходство наблюдается в кадровом элитообмене между властью и бизнесом, который приводит к укреплению контактов на новой институциональной основе, что наглядным образом демонстрирует египетский опыт, где практика рекрутирования бизнесменов во власть, и наоборот, переход чиновников на должности в корпорациях активно осуществляется начиная с 70-х гг. прошлого века. Однако наиболее заметной она стала в период правления Хосни Мубарака, который в течение всех лет пребывания на посту президента проявил себя как государственный деятель, способный правильно оценивать ситуацию и принимать продуманные решения, в том числе и в подборе руководящих кадров.

При этом тенденция к усилению партнерских отношений между властью и бизнесом как в России, так и Египте в дальнейшем, скорее всего, будет только продолжаться, что приведет не только появлению новых форм взаимодействия (например, частно-государственного партнерства), но и более активному использованию уже имеющихся. Это является, безусловно, положительным сигналом, свидетельствующим о том, что деятельность экономических групп инте-

ресов в обеих странах выходит на качественно новый уровень, что особенно актуально в сфере идущих на сегодняшний день процессов глобализации, способствующих эволюции как политических систем, так и институтов.

Также существует ряд существенных различий между системой представительства интересов в России и Египте. В настоящее время лишь 25% египетских предприятий являются членами различных предпринимательских объединений и бизнес-ассоциаций, в то время как в России этот показатель в среднем составляет 55% [2. С. 175].

Еще одной немаловажной причиной отсутствия представительной организации бизнеса в Египте является то, что большинство существующих бизнес-ассоциаций стремятся отстаивать интересы определенной категории бизнес-сообщества, а не всего предпринимательского класса в целом, что объективно затрудняет ведение диалога с властью на основе общей позиции.

К примеру, крупнейшая представительная организация бизнеса Египта — Ассоциация египетских бизнесменов — представляет в значительной мере интересы крупного бизнеса и в меньшей мере среднего и мелкого. В то же время стоит отметить, что на данный момент в АРЕ активизировались процессы консолидации бизнес-сообщества и создания различных координационных структур, призванных объединить усилия различных экономических групп интересов.

В России это практикуется уже давно. В частности, в мае 2004 г. был создан Координационный совет предпринимательских союзов России, который объединил на своей основе крупнейшие на сегодняшний день отечественные предпринимательские объединения — Российский союз промышленников и предпринимателей, «Деловую Россию» и «ОПОРУ России» — и главой которого был избран на тот момент член бюро правления РСПП А. Шохин. Основными его задачами с момента создания стали объединение усилий предпринимательских ассоциаций и выработка единой позиции в вопросах взаимодействия с органами государственной власти. Кроме того, Координационный совет предусматривал заметную активизацию информационного обмена между предпринимательскими объединениями.

В Египте процесс консолидации бизнес-сообщества на основе единой представительной организации находится в латентной стадии, несмотря на то, что определенные предпосылки к созданию центра притяжения в системе политического представительства есть. Выходом из создавшейся ситуации могло бы быть использование российского опыта, где, несмотря на существующее своеобразное разделение труда между различными экономическими группами интересов, на сегодняшний день существует довольно высокая степень сотрудничества и взаимопонимания по вопросам, которые лежат в сфере общих интересов. При этом, что касается вопросов взаимодействия с органами государственной власти и политического представительства интересов, то приоритет отдается той предпринимательской ассоциации, которая обладает наибольшим ресурсным потенциалом для продвижения интересов в органах представительной власти.

Современные российские организованные интересы в сфере экономики появились в качестве продукта самоорганизации предпринимательского сообщества,

то есть возникли на низовой основе, в то время как в Египте формирование заинтересованных экономических групп происходило при непосредственном участии государства, в качестве патрона контролировавшего все стадии этого процесса. С одной стороны, это создавало предпосылки для институционализации взаимоотношений между властью и бизнесом, однако с другой — нередко снижало статус организованных групп интересов до совещательных учреждений, что весьма характерно для мусульманских стран, и в конечном итоге способствовало менее эффективному представительству интересов.

Издержки этого видны невооруженным глазом. Экономические группы интересов воспринимаются властями не как равноправные участники политического диалога, а необходимый атрибут политической системы, выполняющий роль «свиты» или стороннего наблюдателя. Отчасти это отношение государства к бизнесу в Египте вызвано объективными причинами — форсированной модернизацией, неразвитостью институтов представительной демократии и фактическим отсутствием институтов гражданского общества, а также скрытым доминированием политического ислама.

При этом стоит отметить фрагментированность бизнес-сообщества как в России, так и в Египте и фактическое отсутствие единого центра притяжения. Вместе с тем, как показывает международный опыт, именно создание такой институциональной основы представительства интересов во многом способствует интенсификации контактов и ведению равноправного диалога между властью и бизнесом. Именно это является основной целью дальнейшего развития экономических групп интересов как в России, так и Египте, особенно на фоне идущих процессов глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Борисов А.Б.* Политическая элита Египта: пути эволюции / Политическая элита Ближнего Востока. — М., 2000.
- [2] *Зудин А.* Неокорпоративизм в России? (Государство и бизнес при Владимире Путине) // Pro et Contra — 2001. — № 4. — Т. 6.
- [3] *Ahmed Thabet Al-mal va al siyasa fi Misr.* Dirasat fi aliyat al-musharaka al-siyasia li-bad gamaat al-masalih wa al-mal. — Cairo, 1993.
- [4] *Amani Qandil* Gamaat al-masalih wa intikhabat maglis ash-shaab. — Cairo, 1987.
- [5] *Ayubi N.* Bureaucracy and Politics in Contemporary Egypt. — London., 1999.
- [6] *Hinnebusch R.* Party Activists in Syria and Egypt: Political Participation in Authoritarian Modernizing // International Political Science Review. — 1983. — № 4.
- [7] *Leonard B.* In a Moment of Enthusiasm. Political Power and the Second Stratum in Egypt. — Chicago, 2006.
- [8] *Nahed Izzedin Abdel Fatah Al-ummal wa-rigalul a'mal.* Tahawulat siyasiya fi-Misr. — Cairo. — 2003.
- [9] *Ramsis, Farah N.* Egypt's Political Economy: Power Relations in Development. — Cairo: The American University in Cairo Press, 2008.
- [10] *Springborg R.* Family, Power and Politics in Egypt. — Philadelphia, 2007.
- [11] Political elites in the Middle East. — Washington, 1975.

**DYNAMICS OF TRANSFORMATION
OF ORGANIZED INTEREST GROUPS IN MODERN
POLITICAL SYSTEMS OF RUSSIA AND EGYPT**

R.T. Bidjamov

The Department of Political Science
Russian People's Friendship University
Miklucho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to the comparative analysis of economic interest groups in Russia and Egypt. The study deals not only with activities of the economic interest groups in the contemporary politics, but with the analysis in the historical retrospective. The author comes to different important conclusions and makes estimations, concerning the possibilities and perspectives of the transmission of foreign experience into the Russian practice of political interest representation as well as usage of some elements of lobbying in Russia in Egyptian politics. Also the study makes inquiries into the main trends of development of economic interest groups in Russia and Egypt.

Key words: interest groups, lobbyism, corporatism.